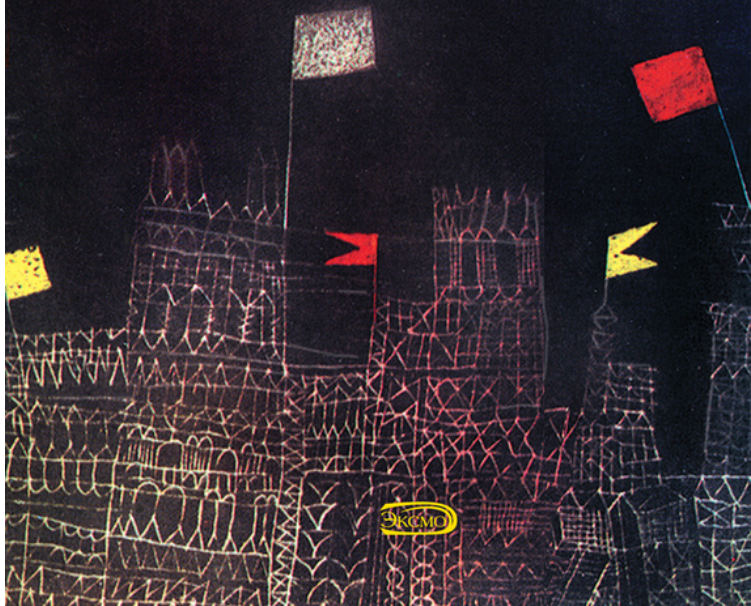
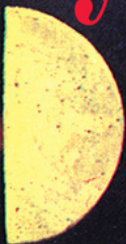

Дина Рубина

Наш
китайский
бизнес

ЭКСМО

Дина Ильинична Рубина

Наш китайский бизнес

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154302

Наш китайский бизнес: Эксмо-пресс; М.; 2021

ISBN 978-5-04-145194-3

Аннотация

«Беда была в том, что китайцы и слышать не хотели о китайцах. Наверное, потому, что были евреями.

Яков Моисеевич Шенцер так и сказал: нет-нет, господа, вы китайцами не увлекайтесь. Речь идет о еврейском Харбине, о еврейском Шанхае...

Словом, беседуя с ними, было от чего спятить...»

Дина Рубина

Наш китайский бизнес

*Хотел бы уйти я
В небесный дым,
Измученный
Человек.*

Ли Бо

Беда была в том, что китайцы и слышать не хотели о китайцах. Наверное, потому, что были евреями.

Яков Моисеевич Шенцер так и сказал: нет-нет, господа, вы китайцами не увлекайтесь. Речь идет о еврейском Харбине, о еврейском Шанхае...

Словом, беседуя с ними, было от чего спятить.

Когда мы вышли, Витя сказал:

– Ты обратила внимание на их русский? Учти, что многие из них никогда не бывали в России!

– Полагаю, все мы нуждаемся в приеме успокоительного, – отозвалась я.

– Я менее оптимистичен, – сказал Витя. – И считаю, что всех нас давно пора вязать по рукам и ногам.

Китайцами мы их прозвали потому, что это слово ясно с чем рифмуется. Когда перед нашими носами забрезжил лакомый заказец – их паршивый «Бюллетень», – мы наострили уши, наточили когти и приготовились схватить зажиточную мышку в свои пылкие объятия.

Поначалу эти обворожительные старички со своим рафинированным русским казались нам божьими одуванчиками. Вот именно тогда Витя и изрек впервые:

– Китайцев следует хватать за яйца.

И я с ним согласилась. Но яйца у них оказались основательно намылены.

Да. Стоит разобраться, ей-богу, почему же сначала они показались нам божьей травкой?

Корректность, конечно же! Их безукоризненные манеры и старосветское воспитание.

... Тут бы мне хотелось как-то посолиднее нас обозначить, но, боюсь, ничего не выйдет. Назывались мы «Джерузалем паблишинг корпорейшн», хотя ни я, ни Витя не имели к Иерусалиму ни малейшего отношения. Я жила в маленьком городке, оседлавшем хребет одного из холмов Иудейской пустыни, а Витя – в душном, рыбно-портовом Яффо.

К корпорации, какой бы то ни было, мы тоже не имели

ни малейшего отношения, но Витя считал, что это название придаст нашей фирме некоторую остойчивость. (Кажется, в корзину воздушного шара с той же целью грузят мешки с песком.)

Честно говоря, нас и фирмой назвать было совестно, но это уж – как кому нравится.

Когда, года четыре назад, нас обоих вышвырнули из газеты за то, что мы платили авторам гонорары, Витя, с присущей ему наглостью и гигантоманией, заявил, что с него довольно: больше он на хозяев не работает. Он сам будет хозяином.

– Кому, например? – спросила я с любопытством.

– Тебе, – простодушно ответил он.

– Да благословит вас Бог, масса Гек!

Тогда он с жаром принялся доказывать все выгоды самостоятельного бизнеса. Можно сильно греть налоговое управление, объяснял он, списывая текущие расходы на все, буквально на все! К примеру: приобретаешь ты за пятьдесят миллионов долларов на аукционе «Сотбис» Ван Гога, «Автопортрет с отрезанным ухом», и когда представляешь документы об этом в налоговое управление...

– ...тебе отрезают все остальное...

– Да нет! – кипятился Витя. – Тебе просто списывают эту сумму с годового налога!

Теперь вы понимаете, с кем мне приходилось иметь дело?

На другое утро он пошел в налоговое управление, положил голову на плаху и дал знак палачу опустить нож гильотины: зарегистрировал на свое имя компанию «Джерузалем паблишинг корпорейшн», единственным наемным работником которой оказалась я.

Первое время старые газетные связи еще держали наш воздушный шарик в бурных потоках издательской стратосферы. Одним из лучших заказов была религиозно-историческая брошюра, издаваемая консервативной ешивой, которую возглавлял рав Фихтенгольц. Дай ему бог здоровья – это был дивный заказ! Большая статья о порядке богослужений и жертвоприношений во Втором Храме. На третьей странице издания мы должны были изобразить Первосвященника иудейского в полный рост, в парадном одеянии.

Статью, конечно, перевели и отредактировали, что касается Первосвященника – с ним было хуже. Дело давнее, заметила я, кто его видал, этого парня?

И тут нам с Витей пришла в голову славная мыслишка насчет моего свитера – длинного, серого, вязанного такой мелкой дерюжкой. Простенького, но очень элегантного. У меня была хорошая фотография анфас в этом свитере. Снимали во время страстной ругни в Беэр-Шеве на конференции, посвященной связи двух культур – нашей и ихней. И поза хороша: правая рука воздета, левая прижата к груди. Почему-то Вите казалось, что это – самые подходящие для Первосвя-

щенника и одеяние и поза.

– Дай старичку шкуру на поноску, – сказал Витя. – Смотри: при помощи сканера переносим на экран твой свитер, убираем никому не нужную твою голову, находим в журналах благообразное лицо еврейского пророка, там этого добра навалом... – и старый хрен укомплектован!

Мы судорожно принялись листать журналы. Самым благообразным оказалось обнаруженное в «Джерузале́м рипорт» бородатое лицо Хасана Абдель Халида, идеолога арабской террористической организации ХАМАС. Витя сказал, что, пролистай мы еще сто двадцать журналов, более типичного еврейского лица не найти. Дадим растром, сказал он, его и родственники не опознают, как после автомобильной катастрофы.

Что же касается нагрудной пластины с драгоценными камнями, украшавшей одеяние Первосвященника, тут уж все было проще простого: среди прочего хлама я зачем-то вывезла с бывшей родины коллекцию уральских самоцветов. Они и послужили, так сказать, прообразом драгоценных камней, символизирующих цвета двенадцати израилевых колен...

Рав Фихтенгольц был в восторге. Первосвященник наш иудейский с головой арабского террориста стоял на картинке в моем свитере, а нагрудную его пластину украшали уральские самоцветы – и очень кстати: моя не бог весть какая пышная грудь Первосвященнику все же была великовата.

...К тому времени, о котором пойдет речь, мы с Витей делали местную газетенку о двенадцати страницах для моего пасторального городка в Иудейской пустыне.

Как бывает обычно, в самой гуще пасторали булькала весьма интенсивная криминальная каша, потому что за последние годы в городок приехало много наших людей. Так что самой интересной и насыщенной рубрикой была «Уголовная хроника». Раз в месяц я собирала данные о текущих безобразиях у начальника местного полицейского отделения, славного парня с простодушной улыбкой восточного хитреца... Звали его... Нет, пожалуй, для русского уха это расхожее имя марокканского еврея может показаться издевательством. Короче, звали его Саси Сасон, и можно представить, какие кружева выплетал в процессе верстки сквернослов Витя из этого вполне заурядного имени, присобачивая к нему невинные приставки и ни о чем не подозревающие суффиксы.

Нельзя сказать, что сонный городок потрясали убийства из ревности, чудовищные насилия или еще какая-нибудь жуть. До приезда «русских» покой в основном нарушали арабы из соседних деревень, забредавшие на наши улицы и весело трясущие перед школьницами смуглыми своими причиндалами. Верстая подобные новости, Витя обычно напевал: «...а в солнечной Италии большие гениталии». Ну и, конечно, марихуана. Смекалистые горожане выращивали ее в цветочных горшках на балконах, а то и на своих участках

перед домом – мирные утехи садоводов-любителей.

С приездом «наших» список правонарушений не то чтобы очень расширился, но – скажем так – значительно обогатился необычными и даже изысканными способами пренебречь такими пустяками, как закон.

Почему-то подоплекой большинства этих происшествий было эротическое восстание смятенной души. Чувствовалось, что мои бывшие соотечественники, ошарашенные местной сексуальной свободой, метались в клетке своих комсомольских предпочтений, мучительно пытаюсь раздвинуть ее железные прутья, а то и сломать засов...

Раз в месяц я появлялась у Саси Сасона с диктофоном, и размеренным голосом он сообщал об угнанных автомобилях, о задержанных курцах марихуаны, об арабах, укравших на очередной стройке банку с побелкой или мешок с цементом. (В эти минуты сама себе я напоминала пчелу, собирающую мед с неказистых цветков, возросших на навозной куче.)

И наконец – он приберегал это напоследок, – простодушно улыбаясь, сообщал, стервец, что-нибудь «эндакое». При этом никогда не открывал имени правонарушителя, сопровождая протокольные сведения довольно странной для полицейского фразой.

– К черту подробности! – восклицал Саси Сасон. – Подробностей не знает никто.

Что говорить, грошовый это был заказ, да и не могли мы требовать большего от местного муниципалитета с его провинциальным бюджетом. Впрочем, мы вкладывали в газетенку изрядную часть души.

Например, в рубрике «Вопросы – ответы» придумывали фамилии вопрошающих граждан.

Тут уж мы порезвились. Поначалу использовали инициалы, затем – имена знакомых и родственников, затем – фамилии литературных героев, присобачивая к ним имена пожилых евреев. Самуил Вронский задавал вопросы Соломону Левину, а им обоим возражала Фира Каренина. Это проходило незамеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.